

стианский Запад. И возник удивительный синтез: соединение канонов вселенских соборов и римского права, мучеников житий святых и Гомера, гомилий и риторики породило типичных византийцев — Григория Нисского и Юстиниана, Фотия и Константина Багрянородного, Пселла и Метохита, Евстафия Фессалоникийского и Никиту Хониата. Культура и политические идеи древности, трансформированные христианством, увязывались с новым способом производства. Византия представляла собой единство противоречий: большой континент — Малая Азия, несколько неудобный для внутренних связей из-за отсутствия широких рек, плоскогорье, очень выгодное для скотоводства; Балканы, пригодные для возделывания зерновых культур, виноградников, горного дела, и с их исключительно удобной для морской торговли извилистой береговой линией со множеством торговых приморских городов. Все это создавало благоприятные условия для объединения страны на основе политической и культурной централизации. Сознание величия прошлого приводило к его идеализации. Задачей императорской власти стала не только защита чистоты православия, но и соблюдение старинных обычаев управления государством τῶν παλαιῶν ἔθων πολιτείας τήρησις. Так, Зонара хвалит Алексея Комнина за его решительные мероприятия против павликиан, но порицает за пренебрежительное отношение к старинным обычаям.

Все произведения общественной мысли в Византии отличаются дидактическим характером. Их авторы ставят своей целью воспитывать общество в духе православия. В VI в. дьякон Агапит написал трактат об обязанностях царя и подданных в условиях неограниченной монархии. Литературный стиль этого произведения искусственно сохранял старинные выражения; говорить «по аттически» считалось высшей похвалой.

Соединение христианства с античной мифологией особенно проявилось в риторике. О каждом явлении было принято говорить в тех же выражениях, в каких говорили и писали прежде. Письма составляли по сборникам образцов на манер писем древних авторитетов. Подобно тому, как дикая маслина благодаря прививке преобразуется в садовую, византийцы, интерпретируя древних мыслителей в духе христианской доктрины, пытались «облагородить» античную философию, а в этом, по словам Федора II Ласкариса, видели прогресс.

Сложнее всего обстояло дело с изобразительным искусством. Ярость христианских фанатиков обрушивалась прежде всего на изображения богов и мифологических сцен. Изменить сюжеты и в то же время сохранить античный реализм было трудно в условиях борьбы против язычества. В античных изображениях богов было слишком мало божественного и слишком много обиденного, человеческого, чтобы вызвать у верующих религиозные эмоции. Однако окончательное оформление христианской доктрины требовало, чтобы искусство полностью подчинилось ей. Победа церкви в конце концов выразилась в признании важной роли иконы в воспитании в народных массах религиозных чувств.

Священное писание, труды отцов церкви, решения соборов считались непререкаемой истиной. С другой стороны, считая себя наследниками эллинской мудрости, византийцы, полагали, что они, как носители высочайшей культуры, могут презрительно относиться к остальному миру. Это порождало самоуверенность, самовлюбленность, исключало какое-либо критическое отношение к основам мирозерцания. Если на Западе Блаженный Августин создал теорию, противопоставлявшую человеческое государство государству божьему, то в Византии такого противопоставления не существовало: император рассматривался как наместник бога, а государство — от бога. На Западе критическое отношение к светскому государству проникло в папскую курию. Острая критика светской власти порождала иногда идеи о суверенитете народа над государем и праве народа выступать против деспотов. Это была принципиальная